

Анна Милова

Соль
земли.
Свет
мира

18+

Анна Милова

Соль земли. Свет мира

<https://litres.ru/74030999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Российская империя переломного 1907 года. Оппозиция трону жёстко подавлена. В Куоккале, дачном пригороде Санкт-Петербурга, подпольщики РСДРП устраивают свою первую тайную типографию.

Повесть на основе реальных исторических фактов и альтернативная версия истории.

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Милова

Соль земли. Свет мира

Глава I

Ему было сложно в этом городе — с одной стороны им он восхищался и признавал всю его очевидную красоту — прямые, будто по линейке прочерченные улицы, проспекты и линии, изыск роскошных дворцов, особняков и храмов, но при этом отмечал его вечный, пробирающий до костей холод и резкую неприветливость к чужакам, словно это был не столичный имперский город, а надменная красавица с правильными, но застывшими чертами сурового лица.

«А много ли ты красавиц видел?» — строгим старушечьим голосом своей матери Кэто поддразнил он себя. Забавно — в отличие от Грузии здесь в России ему казалась красивой почти каждая русская женщина. А, впрочем, совсем не каждая, а лишь та, которая была чем то похожа на Неё — с чистым взором ясных голубых глаз, с «яблочным» румянцем на упругих щеках и тяжёлой, длинной будто канат косой, и пухлыми, как у ребенка губами. Он тяжело вздохнул — как же она теперь далека от него, да и любит она не его, а другого человека.

И вот он снова здесь — в весеннем Санкт-Петербурге.

Идёт уверенной, чуть небрежной походкой «хозяина жизни» вдоль залитой полуденным солнцем Дворцовой набережной, мимо Летнего сада. В его руках пухлый, коричневый саквояж, набитый типичным набором щёголя — белоснежными, крахмальными рубашками, коробочками с запонками, с новейшей бритвой в кожаном несессере, флаконами дорогого одеколона, и грудой свежих, бульварных газет. И ни одна душа из этой беззаботной, радующейся теплу нарядной публики, спешащей ему навстречу, взирая на него сейчас даже с почтением, не догадается, что в двойном дне его саквояжа под всем этим барахлом лежат книги Карла Маркса.

И вот краем глаза он заметил тень! Или ему так показалось? Плотный господин средних лет, в таком же как и у него элегантном чёрном костюме и котелке на голове нарочито замедлил шаг у ограды сада, вынимая из коробки папиросу. «Неужто напали на след?» — пронеслось в его голове, но он не прибавил шаг. Лишь только чуть поправил котелок на своей голове, будто пытаясь скрыть чуть встревоженный взгляд. Затем он решительно свернул в ближайший переулок позади Летнего сада. Здесь тени стали глубже, а эхо шагов — звонче. Не обернувшись, он смело пошёл дальше, и чуть обернулся только в конце переулка — кроме него там никого больше не было. «Кажется, отстал» — облегчённо выдохнул он про себя. «Нет, как-то слишком легко — кольнуло его в груди, — больно гладко для этого несносного города!» Он опять вспомнил Её. Она сейчас, как хороший товарищ, ко-

нечно, поддержала бы его. Крепко сжав его руку, шепнула бы ему на ухо — «Коба, ты должен быть сильным!» И он будет сильным ради неё.

Он вновь прибавил шагу, направляясь к доходному дому Громова на набережной Фонтанки.

В столовой её дома пахло тяжёлой и душной тревогой. Лёля уже ощутила, что сейчас грянет такой «гром», который разрушит его до кирпичей. Сидя за накрытым к обеду столом, её мать, молча, сжав губы, теребила в руке кружевной платочек — она уже готова была разразиться слезами, а этого Лёля с детства боялась больше всего на свете — «Я опять расстроила маму!» Но ныне её мать уже знала — за всеми учебниками по химии и атласами по анатомии притаилась долгая разлука с Лёлей. И всё ещё наивно надеясь, что дочь образумится.

— Девочка моя, не уезжай! — голос матери задрожал, — Ну для чего тебе эти курсы? Там так промозгло, и ты будешь питаться неизвестно где и поселишься в простых меблированных комнатах — на большее у нас просто нет средств. Кто тебя защитит в этом большом городе? Николая, скажи ей! — беспомощно призвала она на помощь своего мужа. Отец Лёли лишь молча протирал салфеткой стёкла своего пенсне. Её младшая сестра гимназистка третьего класса Катя с насмешливым видом заговорщицы тоже молчала.

Лёля молча стояла у окна, но в её взгляде была реши-

мость, которую её отец — земский врач невольно передал своей дочери вместе с любовью к медицине. С самого рождения старшей дочери он узнавал в ней себя — свою любовь и страсть к жизни, которой было уже тесно в их скучном, провинциальном городе.

— Мама, но я уже сыта! — наконец тихо и твёрдо произнесла Лёля. — И теперь хочу сама всему научиться — спасти людей, быть им нужной, а не только уметь правильно разливать чай и вести скучные светские беседы с друзьями нашей семьи.

— Какая дерзкая! — мать уже вытирала платком со своей щеки две крупные слезы.

Через пару часов после обеда извозчик уже подал пролётку к крыльцу их дома. И на вокзале у поезда Лёля не задержалась с объятьями домочадцев.

В вагоне первого класса пахло паровозным дымом и дорогим табаком. За окном её купе упрямо мелькали лишь бескрайние русские леса, но Лёля глядела на них уже без прежнего детского восторга. В её несесере билет до Санкт-Петербурга, аттестат зрелости с отличием и прошение на Бестужевские курсы — во главное её богатство и законная гордость! И посему попутчики — сытые столичные чиновники со своими жёнами казались Лёле манекенами из папье-маше в их простой, лишённой всякого смысла жизни. Она глядела на них свысока, иронично кивая их игривости с ней, но внутри сознавая — великий смысл всей жизни есть только у

неё — она-то знает, зачем живёт!

В столице империи до сего дня Лёля была лишь один раз, когда они всем семейством ездили на юбилей её дядюшки, родного брата отца, именитого столичного хирурга, и всё же, как только на другой день паровоз стал у перрона Николаевского вокзала и очистился от клубов серого дыма, она уже уверенно шагала по направлению к Знаменской площади. Там уже вовсю, перекликая друг друга, звенели к обедне колокола Знаменской церкви, и Леля нашла, что это благой знак — этот дивный город «с порога» принял её тепло.

Под вечер, разобрав свои вещи, усталая и счастливая Лёля уже пила чай в гостиной своей любезной хозяйки — вдовы мелкого столичного чиновника Аглаи Степановны. Её покойный муж, который всю жизнь переписывал бумаги в каком-то департаменте, оставил ей крошечную пенсию и уютную квартиру из четырёх комнат на Крюковом канале близ храма Николы Морского. Две из своих комнаток старушка сдавала внаём курсисткам. Комната Лёли длиною в пять сажений с железной кроватью, комодом с зеркалом, письменным столом и стулом восхитила её, как парадный зал Зимнего дворца, ведь это была её комната в самом Петербурге! И ещё удивило Лёлю то, что её окна выходили во двор-колодец, и посему она назвала своё жилище «кельей Раскольниковова».

Еле дождавшись конца расспросов Аглаи Степановны о ней и её оставленной в Рязани родительской семье, Лёля, откланявшись, наконец-то заперлась у себя.

Сердце Кобы заняло от прилива радости, а в его тело словно пустили разряд электричества. Размахивая своим тяжёлым саквояжем, он легко поднялся по ступеням парадной лестницы в третий этаж, и резко повернул ручку дверного звонка. Тут же массивная дверь отворилась и на порог ступила хорошенькая барышня в кружевном фартуке.

— Что Вам угодно, господин? — спросила она его с учтивой улыбкой.

— К господину Петрову по спешному делу, — негромко ответил Коба. Горничная кивнула, увлекая гостя за собой вглубь коридора к бархатным портьерам гостиной. У Кобы перехватило дыхание, но всё же он смело вошёл и навстречу ему с кресла-качалки тут же бодро поднялся Ильич.

— А, сам «Баку» пожаловал! — громко приветствовал он Кобу, протягивая ему руку. При этом его взгляд, лишь на секунду задержавшись на бледном лице молодого кавказца, быстро упал вниз к саквояжу. — Стало быть, добрались спокойно? А то по вашей милости у нас тут Столыпин рвёт и мечет. На этой фразе Ильич плотно затворил дверь гостиной и повёл Кобу вглубь комнаты.

— Проходите к столу, дражайший, и показывайте, с чем же Вы заглянули к нам в гости.

Смущённо улыбнувшись, Коба не спеша водрузил саквояж на обеденный стол. И громко щёлкнул наружным, а затем и потайным замком в его недрах. — Главный открывальщик!

— пошутил он. В обществе Ильича ему хотелось быть непри-
нуждённым, — ну что ж, пусть рвут и мечут. Здесь десять
тысяч и все купюрами! Каждая банкнота лично проверена
мною. На все дела хватит с лихвой! Мы своё слово держим.

— Превосходно, батенька! — Ильич быстро и широко
раскрыл саквояж, и, сорвав двойное дно, вынул оттуда боль-
шую пачку свежих банкнот. Его узкие, тёмные глаза доволь-
но прищурились, от них к вискам пробежало несколько тон-
ких «лучиков» морщин. — Ба, десять тысяч! Для нас это
просто спасение. На радость Ильича Коба ответил лишь роб-
кой улыбкой. Он один знал, какой ценой добыто это «золо-
то».

Организовав вместе со своими товарищами из тифлис-
ского комитета РСДРП стачки рабочих на крупных заводах
Манташева и Лианозова, он заставил их хозяев платить
«революционный налог» за покой на крупнейших нефтяных
приисках Биби-Эйбата. Если Лианозов или сам барон Но-
бель отказывались уплатить им дань «на нужды партии» на
их промыслах будто случайно вспыхивал грандиозный по-
жар. Хозяева кавказских заводов через своих людей вынуж-
дены были идти на тайный сговор с бунтовщиками.

— Не пожалеешь утку, получишь гуся, Владимир Ильич.

Весь этот смертельный торг с магнатами империи был для
него не впервой. Но сейчас в питерской гостиной труднее
всего ему было заставить себя задать самый будничнейший, ка-
залось бы вопрос, ради которого и прорывался этот «кавказ-

ский волк» с таким азартом через все кордоны Охранки. Он медленно вынул из портсигара папиросу, и, борясь с оцепенением, спросил:

— А что Надежда Константиновна? Здорова ли? Отчего она не с Вами?

Занятый разглядыванием денег, Ильич и не заметил, что Коба почти перестал дышать.

— Надюша-то? Да в Куоккале она, батенька, на даче. — Как-то небрежно ответил тот, — сам отвёз её туда третьего дня от греха подальше. Здоровье её сами знаете... Пусть хоть пару денёчков поживёт в лесной тишине. Ну-с, господин хороший, — наконец оторвавшись от купюр, Ильич пристально оглядел Кобу, — не угодно ли теперь чайку?

Довольно потирая руки, он взял с этажерки широкий лист газеты, осторожно завернул в него пачку банкнот, и уложил их куда-то вглубь буфета.

— Вы, очевидно, с вокзала? Тут у нас, конечно, не Баку, но отменный чаёк имеется. А кстати, где Вы надумали остановиться на ночлег? Да, батенька, простите, я уж и забыл, как Вас звать величать?

— Сталин! — твёрдо назвал Коба один из своих партийных псевдонимов, который нравился ему больше всех. — Владимир Ильич, Вы можете звать меня просто Сталин, — сказал он, даже слегка учтиво поклонившись Ленину.

Глава II

Ей уже не в первый раз снился этот необычный сон — она стремительно идёт по каким-то длинным, каменным коридорам, переходит по лестницам с этажа на этаж, и разные люди с добрыми лицами указывают ей дорогу, а она всё никак не может найти там выход и всё в том здании видит, как сквозь серую дымку. Она оставляет в одном из тех кабинетов свою сумочку и опять спешит в лабиринт бесконечных коридоров, и ясно понимает — своей сумки ей там уже не отыскать, как никогда больше не покинуть и этих стен.

Она рассказала о том сне Володе.

— А, это когда тебя в Питере впервые поймали с прокламациями и посадили в тюрьму? Так надо было надёжнее прятать! — только и отшутился он.

И вот сегодня ночью Надя видела тот же сон — себя, блуждающей по серым коридорам, а потом вдруг замирает и больше не может даже шевельнуть ногами.

Она вздрогнула и проснулась — часы-будильник на комоде выстукивал уже десять часов утра! Окно её спальни в двухэтажной, стоящей на пригорке, финской дачи «Ваза» выходило прямо в густой лес, откуда доносились бесконечные птичьи трели и сочные запахи леса, и потому с недавних пор, как все они поселились здесь, спала она на удивление крепко.

Они с Маняшей завтракали всегда на веранде. Каждое утро чухонская девушка им свежие сливки, калачи и яйца. Юная Маняша, вероятно, уже давно поднялась и ждёт Надю к завтраку, и сейчас скажет ей, что до сих пор у неё сохранилась не только фигура молодой барышни, но ещё и сон.

Для всех обывателей Куокаллы Ильич был богатым господином Евгением Петровым — управляющим на сибирской железной дороге, приветливым собеседником, одетым в неименную льняную рубашку и брюки, с теннисной ракеткой в руке, отдыхающий на даче с женой Ириной и сестрой Марией. Днём его дамы чинно пили чай в садовой беседке, сидели у раскрытых окон гостиной с вышиванием или с книгами любовных романов. По вечерам гуляли на пляже или купались в Финском заливе.

Финские полицейские учтиво кланялись им при встрече, а те немногие давние знакомые, проводившие каждое лето на модном курорте, лишь молча провожали их многозначительными взглядами.

А по вечерам из города тайно приезжали к ним товарищи, привозили свои новые статьи о революции и «запрещённые» книги. В гостиной у пианино они пели романсы, читали стихи, а когда совсем темнело, уходили на кухню — там под ковром в полу притаилась небольшая деревянная дверца. Володя раскрывал её и они спускались по лесенке в тёмный каменный погреб, где среди деревянных бочек и полок с различной снедью, обсуждали свои планы, а позже, став кру-

ГОМ и обнявшись, вполголоса пели:

— Но мы подыдем гордо и смело,

Знамя борьбы за рабочее дело!

Знамя великой борьбы всех народов

За лучший мир, за святую свободу...

Надя всегда пела «Варшавянку» как в первый раз, когда спела её однажды со своими учениками — рабочими Обуховского сталелитейного завода. Она пришла служить учительницей в воскресную школу на Шлиссельбургском проспекте вместе с рабочим — марксистом Василием Шелгуновым. В небольшом классе за обычными партами сидели около сорока рабочих разных возрастов. Она стояла перед ними вся пунцовая от смущения, вцепившись пальцами в свой изящный портфельчик, не смея даже сесть за учительский стол. Собравшись с духом, всё же смогла пролепетать какие-то фразы о смысле учения Маркса.

— Складно ты, барышня хорошая, говоришь, да больно непонятно! Вот я вчера в цеху чуть задремал у станка от усталости, а мастер то это и увидел. К концу дня штрафанул — считай, весь дневной заработок сняли, да ещё и выгнать грозил. И куда мне прикажешь идти? На все четыре стороны? — возмутился крепкий парень в синей косоворотке.

— И чего это, братцы, они нас всё сюды к себе зазывают? Нешто выведать про наше житьё бытёе чего надо? — хитро прищурился худой старик с натруженными, заскорузлыми руками.

— А что, и правду люди говорят — нету справедливости!
— громко крикнул кто-то с задней парты, — за опоздание плати, за грубость плати — такие ихние порядки! Житья нет от кровопийц...

— Товарищи, тише! — постучал по столу рукой Василий,
— барышня пришла учить нас грамоте, а с порядками мы после разберёмся.

Так начался её первый учительский день. И с каждым днём рабочие доверяли ей всё больше, делились своими бедами и мечтами. Она приходила в свою школу каждое воскресенье, и ей было тепло с ними даже самыми холодными зимними вечерами. И даже по-настоящему весело, когда она смотрела, как эти взрослые мужики, как маленькие дети, учились письму и арифметике, старательно выводя в своих тетрадях буквы и цифры.

Поздним вечером в квартире на Крюковом канале раздался оглушительный звонок. От неожиданности Лёля выскочила в переднюю — на пороге стоял стройный молодой человек в чёрном костюме-тройке, с копной смоляных кудрей и тёмными глазами, с пухлым саквояжем в руке. Поклонившись, сказал Аглае Степановне, что он жених её постоянной — курсистки Насти, зовут его Георгий, инженер родом из Батуми. В Петербурге он проездом, и потому просится на постой — дожидаться своего поезда. Старушка одобрительно закивала головой — «Порядочного господина видно сразу!» И он поспешил в соседнюю комнату курсистки.

Лёля тоже вернулась к себе. Таких красавцев она не видела, наверное, никогда. Такие, как он на журнальных картинках представляют дорогие папиросы или мужской одеколон — это называется реклама. «Разве бывают такие инженеры?» Она считала их самыми скучными на свете людьми. «Интересно, а хороша ли собой эта Настя?» Лёля почему-то даже ощутила укол ревности. А могла бы она быть интересна такому человеку? Отец всегда говорил, что да. А как же на самом деле?

Ворочаясь на узкой кровати в своей «келье», она не заметила, как уснула.

Глава III

В девять с четвертью часа утра он вышел из арки пятиэтажного дома и направился в сторону Сенной площади. Переходя Старо-Никольский мост, едва заметив высокую колокольню Николы Морского, он в каком-то сильном, безотчетном порыве, поставил саквояж на землю и три раза перекрестился на храм, после отвесив поясной поклон. Несколько прохожих взглянули на него с явным одобрением, но дело было не только в них. Что поделать — семинарская привычка неискоренима, и вера в Бога всё ещё теплится в нём даже несмотря трудное детство, смерть жены Кэто и бесконечные скитания и тюрьму. Но теперь у него есть нерушимая миссия — он строит царствие Божье на земле, а за это можно вытерпеть любые лишения.

Коба ощутил, что в в этом модном костюме от лучшего тифлисского портного ему стало тесно. «Это тебе вместо рясы» — посмеялся он над собой. С гораздо большей радостью он надел бы сейчас простую косоворотку, лихой картуз и яловые сапоги, и бродил бы с мешком на плече, как однажды в Грузии под носом городского нёс прокламации в мешке из под муки, изображая мельника. И ни одна душа о том не догалалась.

Всё же ныне он был доволен собой — нынешней ночью в тишине и спокойствии уютной квартиры доверенного че-

ловека он написал понятным всем языком, впрочем, опираясь на цитаты Маркса, большую статью «Шляпы из ртути и крови» о безобразиях на шляпной фабрике Циммермана. Её хозяйева жадные немцы и прежде экономили на вентиляции, лишая работниц по преимуществу молодых женщин свежего воздуха, но недавно решили ввести для производства своих фетровых шляп ядовитую ртуть! И теперь работницы формовочных цехов вынуждены будут дышать ядовитыми парами по двенадцать часов в день. Разве же это не преступление против закона божьего — превращать людей в больных скотов, медленно убивая и калеча их созданные Богом тело и разум? Если об этом не напишут ни в одной газете, не скажут ни в одной семинарии, значит, расскажет он, Коба.

Кажется, вчера они с Ильичом всё твёрдо решили — новой газете быть! И ещё одно — от этой мысли у него вновь сладко защемило сердце — его новая статья отличный предлог навестить Надю в Куоккале.

На другой день после отъезда Георгия, утром вернулась другая жилица Аглаи Степановны курсистка Настя. Лёля, которая про себя уже назвала Георгия «табачным красавцем» и ожидавшая увидеть в его невесте необычайно приятную и милую барышню, изумилась. Девушка сия чуть старше самой Лёли, невысокая и плотная, в простом тёмном платье без корсета, с коротко стриженными светлыми волосами, говорила грубым, совсем не женским голосом, ничуть не

стесняясь беспомощно журившей её старушки — «Настенька, ну что же Вы, как сапожник! Личико румяное себе испортите, вас никто замуж не возьмёт...» покуривала в своей комнатке мужские папиросы «гильзы», и, смешно прищурив глаза, выпускала изо рта густой, сизый дым, дерзко отвечала кроткой Аглае Степановне — «А мне туда и не надо». Настя небрежно заправляла постель, кругом валялись её вещи, платья, книги, тетради. А икона над самой её кроватью была почему-то плотно завешана тёмно-зелёной шторой. В самой комнате, чуть заглушая тяжёлый запах табака, странно попахивало то ли новыми книгами, то ли свежей типографской краской. Всё это увидела Лёля, когда Настя в первый же день радушно пригласила её к себе.

Но ещё более удивительное событие произошло с Лёлей через несколько дней после знакомства с Настей. С раннего утра она поехала на конке на десятую линию Васильевского острова подавать свои документы в канцелярию Бестужевских курсов. Прождав несколько часов в очереди из таких же юных девиц — вчерашних гимназисток, приехавших из различных городов империи, Лёля прошла на физико-математический факультет! Радость её невозможно было описать словами — она, будет слушать лекции известных на весь мир учёных, которыми так гордится её отец. И он наверняка в душе будет доволен дочерью, даже если ей об этом не скажет, а её сестра будет ставить Лёлю в пример своим подружкам.

После объявления фамилий, все принятые на курс кину-

лись поздравлять и обнимать друг друга, и в этой счастливой, сияющей суете Лёля упустила из виду барышень, с которыми беседовала и делилась своими страхами и надеждами — тогда в ожидании зачисления все они были равны, а теперь она стала победителем.

День был ещё в разгаре, возвращаться домой ещё не хотелось — Настя опять была в отъезде по своим делам, а Аглая Степановна как раз собиралась идти за провизией на рынок — они всегда обедали вместе, и, чтобы унять волнение, Лёля решила немного прогуляться по незнакомому Васильевскому острову — району рядом с Невой, Гаванью и Финским заливом, застроенному новыми высокими доходными домами, роскошными магазинами, конторами и заводами.

Пройдя пару переулков, она не заметила, как оказалась на противоположной стороне неизвестной линии у здания из красного кирпича. «Завод Сименса и Гальске» значилось на полукруглой арке проходной. Оттуда потоком выходили усталые рабочие в засаленных блузах. Они медленно шли, кто переговариваясь друг с другом, кто понуро глядя себе под ноги — только что проревел гудок на обеденный перерыв. И тут один невысокий, худенький подросток лет пятнадцати оступился о камень мостовой, упал на землю и громко, надрывно закашлялся. Он схватился за ограду, пытаясь встать, несколько человек бросились его поднимать. Сильный кашель его не унимался, он вырвался из рук держащих его, пытаясь идти, и опять упал на большую грудь. От этого

удара из горла его вытекли крупные сгустки алой крови. Лёля тоже бросилась на помощь, открыв сумочку, она протянула ему свой белоснежный платок. Какой-то сильный мужик перевернул парня на спину, поддерживая голову руками, поил его водой из своей фляги, подросток тяжело и сипло дышал, задыхался, облизывая сухие, все в застарелых язвах, губы. Люди останавливались и на линии, тревожно переглядывались.

— Да бросьте Вы, барышня! — сказал Лёле кто-то из толпы рабочих, — Стёпка здесь уже два месяца кровью кашляет, из подмастерьев он, скоротечная чахотка, к вечеру сам кончится...

В это время из других ворот выкатилось блестящее новое ландо, и, даже не убавив ходу, помчалось по линии дальше.

— Управляющий! И не остановился, — презрительно объявил кто-то из рабочих. Мы здесь нутро свинцом обжигаем, а они... Ах, сволочи!

Лёля повернулась и побежала к ближайшей остановке конки.

— Ты серьезно, в первый раз что ль, такое увидела? — даже усмехнулась Настя, когда Лёля к вечеру, с дрожащим от слёз голосом, рассказала ей ту тяжёлую сцену на заводе.

Она молча кивнула, и ощутила, что её горло опять схватил острый комок.

— Думаешь, он один такой, кто под забором помирает?

Скажи, а отец твой кто?

— Он доктор в уезде, — с гордостью ответила Лёля.

— А, понятно! — почему-то обрадовалась Настя, — у меня папаша вот такой же изверг — фабрикант. Я потому от родителей и ушла — не хочу там с ними жить, видеть всё это. Слушай, а хочешь я тебя в одно хорошее место сведу? Там все свои — студенты, курсистки, посидим, поговорим. Вот и узнаешь, как всё устроено.

Глава IV

В знаменитом Пассаже на Невском проспекте он приобрел легкий шёлковый костюм, соломенную шляпу-канотье и тёмные очки от солнца. Свои, так смущавшие его пятнышки от детской оспы на гладко выбритых щеках он замазал брокеровской пудрой, и довольный оглядел себя в зеркале примерочной магазина модной одежды — теперь его не узнала бы родная мать, не то что жандармы и филёры Российской империи.

Около полудня с Финляндского вокзала отходил дачный экспресс до Куоккалы, но Коба уже почти не опасался пересекать границу. Он сел в синий вагон первого класса, и в дороге, развалившись на бархатном сидении дивана, небрежно перелистывал журнал «Нива». Напротив него сидел почтенный господин с маленьким сыном — мальчиком лет шести, с которым Коба успел подружиться.

— Из Санкт-Петербурга в Финляндию поезд едет всего за полтора часа, а вот в Гагре, где я живу, нет даже железной дороги! — рассказывал он ребёнку.

Болтая с хорошеньким, как ангел мальчишкой, Коба и не заметил, как поезд плавно замедлил ход на станции Териоки. Его сердце привычно дрогнуло и чуть похолодело — в вагон вошёл галантного вида жандармский унтер-офицер, но вместо привычного паспортного контроля, бегло оглядев пас-

сажиров, с приветливой улыбкой, пожелал всем приятного дачного отдыха.

На вокзале Куоккалы он нанял извозчика до дачи «Ваза» уже с лёгким сердцем — и здесь ему повезло, что опять было подозрительно.

— Коба, проводите меня на пляж, — попросила его Надя после обеда. Одетая в голубое платье, с кружевным зонтиком на плече она была прекрасна — он опять не мог оторвать от неё любящего взгляда.

От дома к берегу залива нужно было идти сквозь небольшой сосновый лесок. Там их никто не мог бы увидеть и услышать.

— Ильич уже рассказал мне, какую чудовищную сумму денег Вы отдали ему на все наши нужды и на всю эту ненужную нам роскошь. Мне так неловко за неё и я надеюсь, что при ваших делах никто не пострадал и Вам не пришлось рисковать собой?

Он знал, что ей важно было знать откуда в их партию приходят такие колоссальные деньги. Коба готов был открыть ей любые свои тайны, но сейчас он сказал правду:

— В Баку своём кабинете барон Нобель лично раскрыл передо мной свой сейф. Ему самому хочется, чтобы его нефтяные вышки так же процветали и в дальнейшем. Это просто пожертвование.

— В самое ближайшее время мы купим новейший печатный станок и лучшую финскую бумагу. Ильич считает, что

печатать газеты на даче опасно, хотя все милые соседи относятся к нам весьма симпатично. Пока мы решаем этот вопрос, Ильич в отъезде — выбирает удобное место, да и с названием ещё не определились. — говорила Надя, — «Искра» у нас уже есть. Теперь нужно придумать яркое и простое название.

— Может быть, «Пролетарий»? — робко предложил Коба первое, что пришло ему в голову.

— Превосходно! Пусть у нас будет газета «Пролетарий».

Они вышли к берегу залива. На пляже в этот час было пустынно, лишь вдалеке виднелось несколько ярких купальных костюмов пловцов над серой гладью волн.

— Да, и ещё — я предложила, а мой супруг горячо поддержал — на часть из этих средств мы создадим Общество помощи женщинам-работницам. Ильич теперь называет меня «главным казначеем» — улыбнулась Надя.

— А почему не «селёдкой»? — Коба вспомнил её давнюю партийную кличку.

В первый раз он увидел Надежду Крупскую восемь лет назад в Питере на заседании кружка марксистов на Выборгской стороне. Товарищи говорили, что тогда ей было около тридцати лет, и за её худобу и огромные глаза Наде всё время давали «рыбы» прозвища, но в это невозможно было поверить, так она была хороша, и при том свободно общалась на нескольких языках, разбиралась в истории и литературе. Для неё Коба — тогда ещё Иосиф Джугашвили был лишь двадца-

тилетним, бросившим семинарию бунтарём, а она уже была супругой известного марксиста Ульянова-Ленина. И сейчас она почти не изменилась, а наоборот стала только краше — в ней прибавилось твёрдой стати и женской прелести. Но и тогда и сейчас о ней он мог лишь мечтать.

— Как я радуюсь, что мы живём здесь и дышим таким чудным воздухом в том числе и благодаря Вам! — Надя шла по прибежному песку среди больших серых валунов. Вблизи неё тихо плескались и чуть задевали подол её муслинового платья волны мелкого балтийского залива.

Про себя и Ленина она говорила всегда «мы», и это сильно его ранило. Коба ощутил, что он здесь лишний и ему пришла пора уезжать.

— Ну что Вы! Не нужно благодарности. А когда Ильич вернётся?

— Всё это зависит от многого. В том числе и от его помощника во всех наших архиважных делах — надежного товарища по фамилии Малинов.

Коба тяжело вздохнул — жаль, но никогда ему не стать таким же верным помощником Ленина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.